

На морском берегу

В начале XX века Сестрорецкий курорт был самым фешенебельным местом на побережье. Музыканты, писатели, актеры и прочие творческие работники переберутся в Репино и Комарово лишь тогда, когда от старого курорта почти ничего не останется.

Вдоль берега шла застекленная со стороны залива галерея, где гуляли в ненастную погоду. В центре эспланады стоял памятник Петру I

В 1898 году в Сестрорецк проложили Приморскую железную дорогу – частную узкоколейку специально для дачников. Маленькие тихоходные поезда отправлялись с вокзала в Новой деревне по двум веткам: в Озерки и в Сестрорецк. Однако доходов от билетов не хватало, и создатель Акционерного общества Приморской дороги

Петр Авенариус решил устроить на конечных станциях увеселительные вокзалы, чтобы привлечь на концерты и балы не только местных дачников, но и праздную публику из города. Именно такой рецепт за шестьдесят лет до этого помог сделать рентабельной первую русскую железную дорогу – из Петербурга в Павловск. К началу XX века концертной деятельности Павловского вокзала могло позавидовать любое филармоническое общество: здесь выступали дирижеры со всей Европы с

В Сестрорецке же Авенариус решил устроить не только концертный зал, а целый бальнеологический курорт – с морскими купаниями, лечебными грязями и минеральными водами. Министр государственных имуществ Ермолов благосклонно отнесся к авантуре и отдал в аренду на шестьдесят лет огромный участок на берегу реки Сестры, правда точно оговорив дату, когда курорт должен принять первых посетителей. На все строительство и благоустройство давалось два года, и Авенариус сумел уложиться день в день: курорт открылся 20 июня 1900 года. Поначалу грязи возили с Мертвого моря, а воды приготавливали искусственные, но со временем минеральная вода из местных артезианских скважин и грязь с соседних Гладских болот доказали свою целебность и побороли недоверие отдыхающих. В 1907 году Сестрорецкий курорт получил

Курорт в зеркале русской поэзии

Курорт был местом модным, приятным во всех отношениях, но имел как поклонников, так и скептиков. Описывая его, русская словесность колебалась от поэтического любования до социальной сатиры.

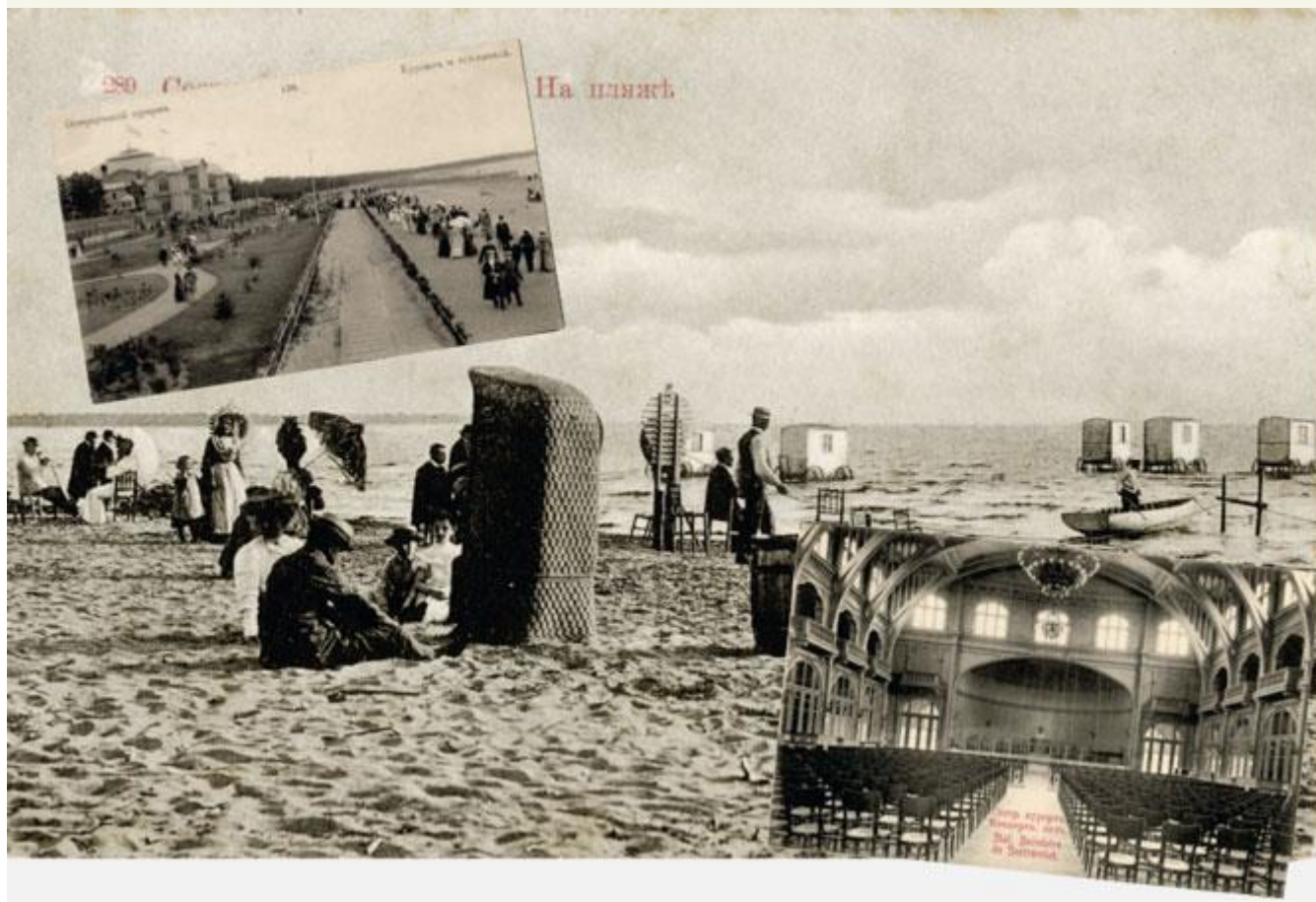
Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.
<...>

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божи дела», –
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.
Александр Блок. «Северное море»

Блока, любившего гулять в Сестрорецке и однажды дошедшего туда из города пешком, курорт притягивал соединением приморской природы (море, дюны, сосны) и человеческой суеты – праздным времяпрепровождением, облеченным в изящные формы прогулок, флирта, купаний. Ту же фактуру щедро давали ему пригородные Озерки (см. [«Квартальный надзиратель» № 55](#)). Назвав

музыкальными новинками, солисты императорских театров, молодые петербургские композиторы. В Озерках музыкальный вокзал был гораздо скромнее, но роль аттракциона с рестораном и военными оркестрами играл исправно.

международное признание, подтверждением чего стал Гран-при на выставке в Спа.

стихотворение «Северное море», он словно сравнивает Сестрорецк с европейскими курортами, например с бельгийским Остенде, подчеркивая глобализм и однообразие курортной жизни. Строки же Мандельштама и Лившица как будто спорят со стихами Блока.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой.
И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино, –
Люблю следить за чайкою крылатой!
Осип Мандельштам. «Казино» (1912)

Розы в шелковом бульоне,
В шелк лазоревый раскрыт
Строй кабин на желтом фоне –
Раковины Афродит.
Кипень пены, стручья лодок,
Змеи солнечных рапир –
И наводит в воду кодак
Оплывающий сатир.
Бenedикт Лифшиц. «Куоккала» (1914)

На открытках столетней давности можно видеть и деревянное казино, и «раковины Афродит» – плетеные кабинки, защищавшие отдыхающих от ветра и песка, парусиновые кибитки, в которых купающихся вывозили в залив, чтобы они не шлепали по мелководью. Некоторые европейские курорты и сейчас любовно сохраняют эту атмосферу столетней давности: деревянные рестораны, отели, беседки. Сестрорецку не повезло: все его великолепие стorerело в огне революций и войн, а восстановили курорт уже в суровых формах социалистического реализма. А. П.